

Если бы Юй-гээр обрёл достойного мужа, в доме наконец случилась бы радость, способная развеять густую тень печали. Ли Саньнян, глядя на осунувшееся лицо Фан У, чувствовала, как сердце сжимается от боли. Такое славное семейство было, и вот на тебе...

Поговорив о делах, старуха украдкой достала из-за пазухи кошель и поспешно вложила его в ладонь сына.

— Муж твой слёг, — приглушённо проговорила она, — теперь за всё серебром платить придётся. Возьми, здесь немного, но на первое время хватит.

— Мама... — Фан У тут же попытался вернуть деньги. — Нам пока хватает, Юй-гээр... он нашёл, где занять.

Ли Саньнян помрачнела и недовольно проворчала:

— Ты что же, гнушаешься моими грошами? Думаешь, мало мать даёт?

— Да что вы, вовсе нет! — запротестовал Фан У.

Опасаясь, что старуха примет это на свой счёт, он поспешил объяснить:

— Мама, нам и впрямь достаточно. Юй-гээр как раз перед вашим приходом раздал долги. Я за все годы вам толком ничем не помог, как же я могу сейчас забирать ваши последние сбережения, что вы на старость откладывали?

Маленькая старушка, вся в латках и перелатках, была до того худа и изнемождена, что жизнь её казалась куда суровее, чем в доме Тао. Эти два-три ляна серебра, что она предлагала, наверняка были её «гробовыми», накопленными за долгие годы нужды.

Тао Циньюй знал, что его младший папочка перед бабушкой всегда пасует и не может проявить твёрдость. Он перехватил кошель и с силой вложил его обратно в сморщенную руку старухи.

— Бабушка, не тревожьтесь, — мягко, но уверенно произнёс он. — Когда прижмёт так, что и медяка в доме не останется, я первым делом к вам приду, уж будьте уверены.

Ли Саньнян легонько шлёпнула внука по лбу и сердито прикрикнула:

— Ах ты, негодник! Что за речи такие?!

Ей было до слёз жаль их семью, но Цинъюй нарочно выставил себя эдаким нахлебником, чтобы старуха не чувствовала неловкости. Будь он и впрямь дурным малым, от её скромных запасов не осталось бы и следа после первой же просьбы.

Цинъюй взглянул на неё своими ясными миндалевидными глазами и добавил:

— Деньги у нас есть, правда. К тому же у младшего папочки теперь есть я — взрослая опора. Так что не забивайте себе голову, лучше о своём здоровье позаботьтесь, чтобы младший папочка за вас не изводился.

Ли Саньнян хотела было возразить, но внук крепко держал её за руки.

«Ах ты, разбойник, — сердито проворчала она. — А ну, пусти!»

«Не пущу».

«Пустишь или нет?!»

«И не подумаю».

Цинъюй сжал её ладони в своих, положил подбородок ей на колени и заговорил искренне, глядя прямо в глаза:

— Бабушка, в нашей семье я теперь один за мужчину, я всё вынесу. О младшем папочке я тоже позабочусь. Вы только за собой следите, чтобы он о вас лишний раз не сокрушался.

Он ласково погладил её руку, сухую и шершавую, словно кора старого дерева.

— Не волнуйтесь, бабушка. Теперь я в доме за хозяина.

От этих слов Ли Саньнян словно согрелась под лучами зимнего солнца. Она судорожно вздохнула, отвернулась, чтобы украдкой смахнуть слезу, и хрипло промолвила:

— Хорошо... поверю тебе на слово. Но если вдруг станет совсем невмоготу...

— Справимся.

Фан У посмотрел на своего сына и осторожно коснулся его лба, где ещё виднелось красное пятно от шлепка.

— К тому же я тоже не собираюсь сидеть сложа руки.

Тао Цинъюй с улыбкой обнял обоих.

— Всё наладится, — тихо пообещал он. — Вот увидите.

Закончив разговор, Ли Саньнян вместе с Фан У зашла в комнату проведать зятя.

Далан выглядел на удивление опрятно: чистая одежда, волосы аккуратно расчёсаны — если бы не мертвенная бледность и полная неподвижность, можно было бы решить, что он просто крепко спит. Старуха лишь тяжело вздохнула и вернулась к мужу.

Старики Тао в это время ушли к себе принимать снадобья, так что в главной зале Фан Дахуна развлекал Тао-третий. Стоило Фан У выйти к ним, как Тао Синван поспешил на кухню помогать своему фулану. В зале остались лишь старики Фан, Фан У и Цинъюй.

Фан Дахун, ссутулившись, помрачнел и спросил:

— Что лекарь говорит про Далана?

Перед семьёй Тао он старался держать лицо, но в душе его клочкотала обида. Если бы не случайный прохожий, поздравивший его сегодня со сватовством внука, он бы до сих пор не знал ни о планах Юй-гээр, ни о беде, постигшей мужа его сына.

— Говорит, если хорошо ухаживать, то очнётся, — ответил Фан У, низко опустив голову и теребя край халата.

— Очнётся... А когда очнётся?

— Неизвестно.

Фан Дахун бросил взгляд на Цинъюя и принялся ворчать:

— Твердил я тебе тогда: рожай ещё! А теперь подле тебя один Юй-гээр, как дальше-то жить будешь?

— Я и стану младшему папочке опорой, — Цинъюй перехватил ладонь родителя, обрывая ворчание деда.

Фан Дахун лишь горько усмехнулся, и лицо его, тёмное от загара, пошло складками.

— И что же может сделать один гээр? Продолжение рода — дело мужское...

— Будет тебе! Поговорил и хватит! — Ли Саньнян резко поднялась, и лицо её не предвещало ничего хорошего. — Пора и честь знать. Если сейчас не выйдем, до темноты не обернёмся.

Фан Дахун, получив такой отпор, на миг замолчал. Затем, заложив руки за спину, нехотя поднялся и буркнул:

— Идём, идём... Ступай, попрощайся со сватами.

— Мама, отец, оставайтесь на ужин! Дорога дальняя, а на ночь глядя идти беспокойно. Переночуете, а завтра с утра двинетесь, — поспешно предложил Фан У.

Ли Саньнян погладила его по руке:

— Нет, сынок, не можем. Дома птица не кормлена, без присмотра никак нельзя.

Попрошавшись с семьёй Тао, старики Фан двинулись в путь. Цинъюй проводил их до самого края деревни. Глядя, как они бредут, переругиваясь на ходу, он тихо вздохнул.

Пусть сам он и не считал, что между гээрром и мужчиной есть какая-то пропасть, слова деда больно укололи его. Не то чтобы старик желал ему зла, но его речи так и сочились пренебрежением. Обидно было за папочку: каково ему было всю жизнь выслушивать подобное?

Сяо Хуан крутился у его ног, и Цинъюй подхватил подросшего щенка на руки. Тот уютно пристроился на его ладони. Юноша рассеянно потирал мягкие уши пса, провожая взглядом скрывающиеся вдаль фигуры.

Он пошёл обратно по главной улице, мимо квартала, где жили Цинь. Из каждой трубы валил сизый дым, и запах дров мешался с ароматом жареного мяса. Цинъюй невольно сглотнул слюну и прибавил шагу. Стоило миновать центр и свернуть на тропинку к своему дому, как дразнящие запахи исчезли.

У соседей Ю калитка была распахнута, и Цинь Лихуа, выпятив грудь, расхаживала по двору, словно индюк, осматривающий свои владения. Заметив Цинъюя, она лишь мазнула по нему взглядом и как-то странно хмыкнула. Видно, опять у неё в голове какие-то козни роились.

Цинъюй не удостоил её и взглядом. Зайдя к себе, он плотно закрыл ворота. Мелюзга тут же облепила его, и он передал щенка в руки Тао Цинцзя.

— Старший брат, иди мой руки, обедать будем! — Цинцзя бережно прижал Сяо Хуана к себе, а Цинъя и Цинъямя тут же принялись гладить пёсика.

— Иду.

К приезду гостей семья Тао планировала накрыть богатый стол, но старики Фан уехали так внезапно, что пиршество пришлось отложить. На столе дымились остатки мяса, привезённого тётушкой Мэн, да редька, обжаренная со шкварками. Каждому досталась миска каши из бурого риса с бататом — вот и весь праздничный ужин.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и на деревню опустились сумерки. При тусклом свете масляной лампы семья Тао собралась за столом. Дети, которым не хватило места, устроились на низких скамеечках. Тени на глинобитных стенах плясали, словно грозовые тучи, то замирая, то вновь приходя в движение.

В разгар трапезы Тао Юлян вдруг спросил:

— Юй-гээр, скажи-ка мне по совести: где ты взял серебро на долги?

Рука Цинъюя на миг замерла.

— У ростовщиков, дедушка, — ответил он, стараясь не поднимать глаз, чтобы не выдать своего смущения.

Взгляд старика был ясным и пронизательным — годы не лишили его способности видеть людей насквозь.

— Я говорил с Сяо Цзинем. Ты не закладывал ни пруд, ни дом. Ростовщики — люди торговые, с какой стати им давать столько денег под честное слово?

От этих слов Фан У вздрогнул и с нескрытой тревогой уставился на сына.

— Юй-гээр, что же это значит? Твой дед правду говорит?

Цинъюй втайне кусал локти и невольно теребил край рукава.

«Эх, зря я вернул деду купчую на пруд так рано...»

Заметив его замешательство, Тао Юлян отложил палочки и строго произнёс:

— И не надейся меня обмануть! Ты что это удумал? Неужто ты ради денег решился на что-то

бесчестное или, упаси боги, заложил свою...

— Дедушка! О чём вы только думаете!

Чувствуя на себе взгляды всех домашних, Цинъюй был вынужден признаться:

— Фан Вэньли дал мне эти деньги.

Договорив, он понуро опустил голову, ожидая бури негодования. Но вместо криков по комнате разнёсся дружный вздох облегчения. Цинъюй в недоумении поднял взгляд. Что за дела? Значит, у учителя Фана брать можно, а у ростовщиков — нет?

Фан У, у которого сердце до этого колотилось, словно безумное, легонько шлёпнул сына по руке и с облегчением выдохнул:

— Что же ты сразу не сказал? Напугал до смерти!

Цинъюй надулся:

— Так мы ведь друг другу никто... Я думал, вы решите, что он имеет на нашу семью какие-то виды.

«Да мы только за!» — пронеслось в головах у всех домочадцев Тао.

— Это серебро нужно будет вернуть, — твёрдо произнёс Тао Юлян, поняв, на что метит этот Фан Вэньли.

Цинъюй согласно закивал:

— Разумеется, верну.

«И он ещё говорит, что они чужие люди, — думали родные. — Взять такую уйму денег у едва знакомого человека... Наверняка они уже давно всё между собой решили». Тревога на их лицах сменилась благодушными улыбками. В конце концов, занять у «своего» куда лучше, чем у чужака. Даже если не получится отдать сразу — дело семейное, договорятся.

Цинъюй чувствовал себя крайне неловко под этими понимающими взглядами.

— Младший дядя, что вы на меня так смотрите?

Ян Цюэ хихикнул:

— Ничего-ничего, кушай давай.

Допрос, который обещал быть тяжким, закончился на удивление быстро. Когда со спорами было покончено, госпожа Цзоу заговорила о празднике:

— Завтра канун Нового года. Серебра в обрез, но парные надписи и картинки с богами-хранителями купить надо. Оживим дом, глядишь, и беда отступит.

Это был самый важный праздник в Дали, когда каждый хозяин стремился привести жилище в порядок. Люди чествовали богов порога и очага, моля о достатке в наступающем году. Обычно надписи не клеили лишь в тех домах, где в последние три года случилась смерть. Далан хоть и не пришёл в себя, но был жив, так что не украсить ворота было нельзя — люди могли подумать, что Тао и впрямь кого-то похоронили. На дешёвые украшения уйдёт всего несколько десятков медяков — такую сумму они могли себе позволить.

Все согласно закивали, и дело поручили Фан У. Цинъюй же, поразмыслив, решил дождаться темноты и выйти к реке с вершами.

— Брат, ты куда? — окликнул его Цинъшу.

— Поставлю верши на реке. К утру что-нибудь да попадётся, продадим — лишний медяк в доме не помешает.

Цинъшу подхватил часть снастей:

— Я с тобой.

Зимний ветер кусался, на улице не было ни души. Если поставить верши сейчас и забрать их спозаранку, можно было не опасаться, что кто-то их приметит и унесёт. У кромки воды Цинъюй в полной темноте опустил ловушки на дно и привычным жестом спрятал верёвки.

— Эх, зря я ту змею использовал, чтобы людей пугать, — проворчал он под нос. — Сейчас бы она нам пригодилась.

— Может, сходить в лес, поискать? — предложил Цинъшу, приседая на корточки и придерживая брата за локоть. В уезде богатеи любят змеиную настойку, да и мясо змеиное многим по вкусу. Одна хорошая змея стоит как несколько цзиней свинины.

— В такой холод они не вылезут, нечего и пытаться.

Циньшу взглянул на тёмный силуэт брата и, вспомнив о положении в семье, тихо проговорил:

— Брат, у меня есть немного накопленных денег. Возьми их себе.

Циньюй выпрямился и легонько хлопнул брата по плечу.

— У меня есть деньги, оставь свои при себе — на свадьбу пригодятся.

Циньшу густо покраснел, но в темноте этого было не разглядеть.

— Я... я не тороплюсь.

— Вот и ладно, а я пока присмотрю тебе невесту получше.

Младший брат тут же замолчал, не зная, что ответить. Циньюй усмехнулся:

— Идём домой.

— Тогда завтра я помогу тебе вытянуть верши.

— Договорились.

Зимняя ночь была безмолвной, тишину нарушал лишь мерный плеск речной воды да далёкий лай собак. Тьма окутывала их плотным коконом, а сухая трава под ногами шуршала. Циньюй взглянул на звёздное небо, раскинувшееся над головой, и тихо выдохнул. Всё обязательно наладится.

На следующий день.

Едва забрезжил рассвет, как свиньи в загоне принялись голодно визжать. Куры вторили им нестройным хором, пробуждая обитателей дома Тао. На кухне загремела утварь, и вскоре над трубой потянулся тонкий ручеёк дыма.

В лекарственном котелке весело забулькало варево. Фан У достал из печи несколько тлеющих угольков и переложил их в очаг, чтобы отвар томился на медленном огне. Горьковатый запах снадобья поплыл по комнатам, просачиваясь в главную залу и достигая опочивальни Циньюя.

Тот негромко чихнул, потёр нос и распахнул дверь. Заглянув к отцу, он помог ему

перевернуться на другой бок, после чего отправился умываться. Утренний туман был таким густым, что в паре шагов ничего не было видно. Пользуясь тем, что односельчане ещё не вышли на улицу, Цинъюй вместе с Циньшу поспешил к реке.

Улов оказался неплохим: в трёх вершах запуталось десятка полтора карасей и одна чёрная рыба толщиной с руку. Попалось и несколько крабов. Мелочь Цинъюй решил оставить себе, а вот чёрную рыбу он отсадил отдельно, решив взять её с собой на рынок.

Наскоро позавтракав, Фан У поручил Далана заботам Тао-третьего и повёл домочадцев в город. В уезде Цинъюй вместе с Циньшу отделились от остальных, чтобы заняться торговлей. На рыбном рынке лучшие места уже были заняты.

Цинъюй нёс всего одну чёрную рыбу да карасей. Пробираясь сквозь ряды к самому краю рынка, он вдруг услышал чьё-то недовольное ворчание. Обернувшись, юноша увидел того самого типа из семьи Цзэн — Цзэн Сылана.

— Гээр, не место тебе здесь, — прошипел тот, сузив свои и без того узкие глазки.

— Больной, — бросил Цинъюй, презрительно закатив глаза, и прошёл мимо.

Цзэн Сылан едва не задохнулся от ярости. Он принялся поносить юношу на чём свет стоит.

— Он всё-таки гээр, попридержал бы ты язык, — заметил стоявший рядом торговец.

— Не твоё дело! — огрызнулся Цзэн Сылан и сплюнул в сторону.

Цзоу Фэнчунь, выйдя из своей лавки, окликнул Цинъюя:

— Юй-гээр, давно тебя не было видно!

Цинъюй лишь вежливо улыбнулся:

— Да вот, в пруду рыба закончилась, потому и не заглядывал.

Цзоу Фэнчунь понимающе кивнул, но, заметив в его ведре чёрную рыбу, удивлённо присвистнул:

— Ого! Неужто речная?

— Она самая. Повезло поймать.

На рынке обычно продавали рыбу из прудов, а дикая чёрная рыба встречалась редко и ценилась высоко. Видя, что юноша тщетно ищет место, торговец предложил:

— Пристраивайся рядом с моей лавкой, место найдётся.

— Вот спасибо, дядя Цзоу! — обрадовался Цинъюй, тут же опуская ведро на землю.

Цзоу Фэнчунь лишь добродушно рассмеялся. Ему всегда нравился этот прямолинейный и бойкий парень.

Поставив ведро у лотков Цзоу, Цинъюй перевернул корзину и уселся на неё. Время от времени он негромко зывал покупателей.

— Чёрная рыба? — к нему подошла женщина с корзинкой.

Цинъюй тут же расплылся в улыбке, опередив брата:

— Она самая, почтенная матушка! Для праздничного стола — лучше не сыскать.

— Беру.

Цинъюй усмехнулся, глядя, как быстро брат вошёл в роль торговца.

— Прикажете почистить?

— Нет, сама справлюсь.

Юноша ловко продел соломинку сквозь жабры и передал товар.

— С вас...

— Сдачи не надо, — женщина вложила в руку Цинъюя кусочек серебра и, сочувственно похлопав его по плечу, удалилась.

Цинъюй замер в недоумении.

— Это она к чему?

Цинъюй почесал затылок:

— В трактирах богатые господа иногда дают на чай, если у них настроение хорошее.

— Что ж, ладно, — Циньюй посмотрел на серебро на ладони. — Значит, день прожит не зря.

Оставшихся карасей быстро разобрали два покупателя. Распрощавшись с Цзоу Фэнчунем, Циньюй подхватил пустое ведро. В этот момент перед ним вновь вырос Цзэн Сылан. Тот стоял, неестественно выгнув шею и задрал нос. Циньюй почувствовал, как чешутся руки — очень хотелось огреть этого дурня ведром по голове. Но он сдержался. Дождавшись, когда тот отойдёт, юноша спросил у Цзоу Фэнчуня:

— Дядя Цзоу, этот тип вроде давно не показывался, с чего он вдруг вернулся?

— Да поговаривают, перешёл он дорогу кому-то важному, ну ему ноги-то и переломали. Видать, только-только оклемался.

Циньюй лишь презрительно хмыкнул:

— С его-то нравом — немудрено.

— Твоя правда, — рассмеялся торговец. — Моя жена то же самое говорит.

В этот момент супруга Цзоу легонько ущипнула мужа за бок, и тот смущённо улыбнулся. Циньюй почувствовал укол зависти — больно уж приторно всё вокруг стало. Он поспешно собрал вещи и покинул рынок.

Расправившись с торговлей, братья отправились на поиски младшего папочки. Улицы уезда кишели народом — все спешили сделать последние закупки. Циньюй с братом пробирались сквозь это людское море и спустя долгое время нашли Фан У.

Тот уже купил всё необходимое и теперь стоял в окружении знакомых, оживлённо о чём-то беседуя. Стоило Циньюю подойти, как папочка, младший дядя и вторая тётушка мгновенно замолчали и уставились на него сияющими глазами.

— Что случилось? — Циньюю стало не по себе.

Лицо Фан У озарилось нежной улыбкой.

— Ничего, сынок. Пойдём домой.

Обратный путь они проделали пешком. Покупок было немного: мешочек конфет да праздничные надписи. Весь путь Фан У и остальные провели за обсуждением деревенских сплетен. Цинъюй шёл позади, с интересом прислушиваясь.

Когда речь зашла о семье Фан, Цинъюй хотел было ускорить шаг, но чья-то рука крепко схватила его за локоть.

— Куда это ты наострился? Послушай и ты, — сказала вторая тётушка.

— Тётушка... — взмолился юноша.

— Хоть дядюшкой зови — не поможет! — отрезал Сун Хуань. — Соседка из переулка Цзиньфу сказывала, что Фан Вэньли к тебе за рыбой частенько захаживает? И всегда-то он тебе улыбается?

— Так он рыбу любит, — буркнул Цинъюй. — Что ему, плакать над ней, что ли?

Сун Хуань шутливо ущипнул его за щеку:

— Не дерзи старшим.

— Да я и не дерзю.

— Ладно-ладно, иди поиграй, — Фан У со смехом оттолкнул его.

Цинъюй понял: родня уже вовсю разузнала про учителя Фана и, судя по всему, осталась довольна. Ему же самому было всё равно: сотня лянов потрачена, а значит, дело решённое. Юноша притворно вздохнул и похлопал Цинъюшу по плечу:

— Не горюй, брат, и про тебя не забуду.

Цинъюшу вспыхнул и прибавил шагу. Цинъюй, любивший поддразнивать братьев, припустил за ним:

— Да чего ты стесняешься? Вторая тётушка как раз в поиске, вот пусть и твоей женитьбой займётся!

— Цинъюй! Оставь брата в покое! — вступилась Сун Хуань за своё чадо.

— Тётушка, да я же о его счастье пекусь!

— Своё сначала устрой, а потом о чужом рассуждай! — со смехом пригрозила та.

Всю дорогу до дома они шутили, и долгий путь пролетел незаметно.

Наступил канун Нового года. В окрестных лесах то и дело раздавался треск петард — люди отдавали дань предкам. В деревне Баопин те, кто порасторопнее, уже сменили старые надписи на воротах на новые. У каждого порога кипела жизнь: смеялись дети, переговаривались взрослые.

Вернувшись домой, семья Тао тут же принялась за дело. Раньше надписи клеил Далан, теперь же эта честь досталась Тао-третьему. Циньшу следовал за ним со скамьей. Ветхие обрывки прошлогодних надписей летели наземь, а их место занимали яркие картинки с богами-хранителями.

На кухне тоже работа спорилась. В этом году праздничный стол был скромным: несколько карасей из речки да горсть крабов. Кур решили не трогать, да и свинью забивать было рано. Зато остались шкварки — с ними даже обычная редька становилась лакомством.

Все были при деле, и лишь Циньюй чувствовал себя лишним. Послонявшись по двору, он решил зайти к отцу. У дверей он замер. Маленький Тао Цинцзя вместе с братьями пристроился у изголовья постели и что-то усердно нашёптывал отцу на ухо.

Вскоре они начали спорить: Циньмяо тянул своё, Цинья — своё. Бедный Цинцзя в конце концов просто закрыл уши руками.

«Не знаю, как отцу, а у меня уже в ушах звенит от их болтовни»

Циньюй вошёл в комнату.

— Старший брат! — хором воскликнули дети.

Юноша улыбнулся:

— Что это вы решили устроить здесь совет?

— Так ты же сам сказал! — пропищал Цинья.

— Сказал, что если больше говорить, папа очнётся, — добавил Циньмяо.

Циньюй осторожно перевернул отца и помассировал его худые плечи.

— Спасибо вам, мелюзга.

— Да пустяки!

— Младший папочка меня и слушать не хочет, а папа — он слушает!

— Угу! Папочка тоже не слушает, а отец — слушает!

«Зря я расчувствовался... Ах вы, хитрые бестии!»

<http://bllate.org/book/15858/1443547>